

MILICIA

МИРОВАЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ В КАЗАХСКОЙ ЖИВОПИСИ

Райхан ЕРГАЛИЕВА, доктор искусствоведения, профессор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК

В творчестве художника Мельдехана Касымбека сложно переплетаются влияния французского постимпрессионизма и формальное обобщение, присущее казахскому орнаменту. Он умеет обыгрывать игру крупных плоскостных форм с тем, чтобы создавать эффект присутствия вещи в пространстве, эффект взаимодействия света и тени.

Множащееся разнообразие орнаментальных реминисценций в картине казахской живописи рубежа веков можно сравнить разве что с ростом количества живописцев разных поколений, работающих в современной культурной ситуации в стране. Кто-то предпочитает углубляться в абстрактную геометрию, кто-то создает орнаментальные узоры из фигур и предметов, кто-то передает прямо и непосредственно впечатления от реального мира, но при этом в каждой картине наших живописцев задействованы память или сегодняшняя жизнь народного орнамента. В сложном построении живописи художника М. Касымбека также успешно сочетаются наработки западной школы, а точнее – именно французского кубизма с генетически осязаемой, а затем и осознанной потребностью структурировать мир по четким и точным законам. Свойства казахского орнамента претворены им, возможно, в максимальной степени среди казахских живописцев неявно, а скорее художественно тонко организовано. Они словно бы неосязаемы чисто внешне, не декларируют свою роль и присутствие в его живописи, но с

абсолютным внутренним спокойствием и уверенностью определяют ее структуру, соотношения героев и фона, содержательность жеста, ассоциативность и символичность сюжета, характер цветового решения.

В целом творческое развитие М. Касымбека шло достаточно традиционным для его поколения путем. От конкретных реалий ранних работ он пришел к обобщению формы, отражающей в его глазах внутреннюю структуру и суть вещей. Но то, как именно он это делает и придает его произведениям ту самую, не столько искомую им, сколько заложенную в его душе и взгляде на мир особость, неповторимость. Заметные изменения происходят в его манере после работы на базе тогда еще общесоюзного Дома творчества в Сенеже под Москвой в 1988 году. Творческая практика рядом с живописцами разных союзных республик, в частности, с молодыми кыргызскими художниками Ж. Жакыповым, Т. Огобаевым, знакомство с поисками коллег само по себе всегда плодотворно, дает толчок для дальнейшего развития. Форма его произведений в этот период становится более экспрессивной, обостренной каким-то напряжением внутреннего видения.

Картины М. Касымбека на редкость структурно четко организованы, в них присутствует огромная живописная культура. Формальная сторона их великолепна именно своим не простым, не декларативным решением. Удивительно тонкий, нежный и красивый внутренний мир словно таится в художественной ткани его полотен. Цвет может быть плотным или прозрачным в его работах, призрачным или вещественным, но он всегда удивительно живописен. Внутренне замедлено, как бы слегка приостановлено действие жизни в его полотнах, словно от следующего шага его героев зависит дальнейший ход их жизней. В них визуально обыграно созерцательная медлительность по-настоящему глубинного притяжения и познания мира.

В формальном решении отдельных работ М. Касымбека ощутима тюрко-монгольская первооснова его внутреннего мира, ощущение истоков национального мира. Укрупнены грани пространства, мощный разворот крупного масштаба фигур. Монументальное, лаконичное и емкое решение форм. Строга, выверена и точна ритмическая структура. Все, цвет, линия, форма и фактура работают в них согласованно. Ритмическая структура его полотен словно выявляет внутренние ритмы души самого художника и делает ее вдруг такой явной, таким ощутимым его прикосновение к первоосновам национальной души. Медленный, строгий и где-то чуть трагичный мир возникает в полотнах М. Касымбека. Монументальность и цельность, просветленность и созерцательность – его внутренние параметры, скорее даже законы по которым живут его герои. Позы, повороты лиц, наклоны фигур создают в его картинах удивительно точно найденное настроение и температуру

чувств. Пространство словно создается соотношениями возникающих в нем форм. В этом четком соотношении расположения фигур в пространстве косвенно ощутимы принципы орнаментальной системы, где соотношения узора и фона находились в определенном принципиальном равенстве, некоем балансе художественной взаимозамены. Художник постоянно стремится сгармонизировать тень и свет, яркое и тусклое, цвета контраста и звуки внешнего диссонанса.

Мир М. Касымбека – это мир простых, строгих и чистых истин, но умудренность ими его героев как бы не первична, она словно возвращена им, обретена ими вновь после утрат и заблуждений. Кажется, что именно после этого они ценят вечную обыденность жизни еще сильнее, внося в нее усиленную ощущением возможной утраты поэзию чувств.

В живописи М. Касымбека подчеркнуто заметно влияние творчества С. Айтбаева, даже не влияние, а скорее продолжение и развитие его композиционных, цветовых и структурных решений. Это означает, что поиски старшего поколения казахских живописцев не остались втуне, а находят живое продолжение в современном искусстве. Приведем небольшое, но показательное воспоминание самого художника. Когда-то, по словам М. Касымбека, после молодежной выставки он встретил Салихитдина Айтбаева. И тот, как-то весьма одобрительно, сказал ему: «Ну, ты – нахал!». Надо сказать, что в устах Айтбаева это была очевидная похвала смелости молодого живописца, спокойно и внятно превращавшего в собственную манеру и находки великих французов и свои генетические художественные установки. Крупномасштабное первоплановое изображение фигур – излюбленный композиционный прием М. Касымбека. Конечно, его нельзя не воспринимать как классический прием европейской живописи. При этом странным, непостижимым образом из великолепной по своей живописной культуре художественной ткани его полотен прорастает сугубо национальный мир его героев. Полный своеобразия узнаваемого в пластике фигур, характеристики жестов и поз национально отчетливо читаемый и чувствуемый мир его героев. В соединении с исконно казахской потребностью мыслить сутью форм французский модернизм и постмодернизм с его неумолимой тягой к инвариантному, но константному обобщению постепенно привел М. Касымбека к умению предельно четко, лаконично и ясно говорить живописным языком. Внутренний драматизм, наполняя полотна живописца, заставляет его искать экспрессию форм, находить наиболее лапидарный тектоничный подход к проявлению идей орнамента. Знаменитый крупный модуль казахского орнамента словно претворяется Касымбеком в крупноплановое решение фигур и предметов в его картинах.

Свет и тень борются и дополняют друг друга в его работах, каждый высвечивая свой цвет и выполняя свою роль, но и при этом играя, что важно, общую гармоничную мелодию. Интересно решение объемов в живописи художника. Выпуклости чаш и плодов, округлых объемов юрт и статных человеческих фигур, вогнутость теней внутри сосудов, сиреневые тени смыкающихся в пространстве и уходящих вглубь полотна углов строений все увязывается автором в своеобразную игру, создавая эффект, схожий с игрой эффектов оптической живописи. Пространство закручено в особую вибрацию благодаря очень сложному смешению цвета в его работах. Его живопись, при всей кажущейся лапидарности, удивительно многослойна, художник применяет и эффект цветовых рефлексов и отчасти просвечивающую лессировку цветом. В результате создает живописную картину мира, насыщенную тончайшими нюансами оттенков, чувств, эмоций. Орнаментальность по-касымбековски – это, прежде всего, ритм взаимоотношения предмета и пространства, обобщение не только форм видимого мира до его символа, но и обобщение цвета, потребность вытащить на свет божий суть и смысл самого цвета. Отсюда резкая драматичная контрастность его цветовых решений и композиционных приемов. Всем знакомый певучий ритм большинства полотен казахских художников обретает в его исполнении скорее торжественную или тревожную мелодию, наполняется ощущением непредсказуемости этого мира и человека в нем. Глубокая философичность орнамента, его семантическая многослойность и многозначность претворяется Касымбеком в систему сложного мировоззрения, трансформируется в авторский универсум. Редкие прямые цитаты, вкрапления узоров сырмака или текемета в живописную ткань его полотен можно видеть, скорее в картинах абстрактного, а не фигуративного толка. Здесь они возникают как ясные отсылки к истокам формообразования, исповедуемым художником, и как к неким сакральным генетическим корням. В любом случае связь с орнаментом и в творчестве Касымбека осознается автором как идентификационный код, моделируя в картинах прямо или косвенно родной казахский кочевнический мир. Углубляющееся погружение в мир национальной архаики определяет ли-дирующие тенденции последних десятилетий XX века и рубежа веков. Возникает парадоксальное ощущение бесчисленного количества авторских вариаций, интерпретаций условного знакового языка, выведенного из пластической и из мировоззренческой традиции и наличие в них постепенно всё более проясняющегося четкого и строгого идейного каркаса той системы духовных воззрений, которую живопись стремится вывести к зрителю. Казахские художники ощущают себя полноправными наследниками обширного богатства мировой культуры, при этом не оставляя идеи глубокой генетической преемственности с национальным наследием. Наше национальное

искусство отличается духовной и пластической преемственностью с вековыми традициями казахской культуры, знаковыми именами и этапами.

Каждый исторический период развития живописи, графики и скульптуры Казахстана отражал мастерское владение новыми принципами, приемами, технологиями и возможностями классического европейского изобразительного искусства. И, что немаловажно, каждый этап ознаменовывался творческими находками, влиянием новейших или ярких мировых художественных направлений: мы прошли свой импрессионизм и свой кубизм, отразили влияние фотореализма и сюрреализма, трансформировали все эти и многие другие стили в русле собственной казахской ментальности. Культурная память способствует сохранению духовной преемственности современной культуры, восстанавливает незримую связь с прошлым визуально, зримо, так как в ней в любом случае прошлое – исторический опыт, культурное наследие – никуда не исчезло, оно сохраняется.